

О. И. ЧАРИНА

**ЗАПИСИ ФОЛЬКЛОРА,
ПРОИЗВЕДЕННЫЕ Д. И. МЕЛИКОВЫМ
В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ КРАЕ В 1893 г.**

В настоящей публикации мы предлагаем корпус фольклорных произведений, которые в конце XIX в. записал Д. И. Меликов. Судьба Дмитрия Ивановича Меликова сложна, насыщена различными событиями и, в итоге, трагична. В недавней публикации сотрудник Национального архива Республики Саха (Якутия) Э. М. Яковлев о действительном статском советнике Д. И. Меликове пишет следующее: «Дмитрий Иванович родился 12 сентября 1851 г. (по ст. ст.) в г. Пензе в семье обер-офицера. В 1878 г. закончил юридический факультет Казанского университета. В сентябре того же года зачислен на службу в Главное управление Восточной Сибири переводчиком с китайского языка. В июле 1879 г. его назначают приморским областным стряпчим. В декабре 1881 г. он становится прокурором Якутской области, и с этого времени его судьба до самой смерти будет связана с Ленским краем. Работает в основном в судебных органах: следователем, почетным мировым судьей г. Якутска, с 1891 по 1897 г. — советником областного управления. В 1909—1919 гг. Д. И. Меликов является членом окружного суда, работает присяжным поверенным. Дмитрий Иванович за добросовестную службу был награжден орденом Святой Анны 2-й ст., Святого Станислава 3-й ст., серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди и нагрудным знаком в память 50-летия Судебных уставов».¹

¹ Яковлев Э. М. Действительный статский советник Д. И. Меликов // Якутский архив : Историко-документальный научно-популярный иллюстрированный журнал. 2009. № 3/4. С. 62—63.

В «Историко-графическом атласе города Якутска в 1917 г.», составленном П. В. Поповым, читаем: «В квартале пятьдесят девятом двор и строения чиновника Якутского областного управления Дмитрия Ивановича Меликова, получившего широкую известность среди местного населения и политссыльных по защите на суде по делу участников „Монастыревской трагедии“ в 1889 году в г. Якутске и уволенного за это со службы. Он пользовался большой признательностью среди бедноты за свою благотворительную деятельность: всякий нуждающийся шел к нему за помощью и получал ее деньгами или продуктами или же одеждой. Он был известен также как большой библиограф, любитель и собиратель редких краеведческих книг и рукописей. По сведениям, у него была часть книг и рукописей Н. Г. Чернышевского, и неизвестна их судьба, куда они девались. Он в течение многих лет вел дневники: ежедневно записывал все редкие события, которые происходили в г. Якутске и во всей Якутской области; также неизвестна их судьба, очевидно, погибли при ликвидации имущества после его смерти, в том числе и его громадная краеведческая библиотека».²

В рамках сибирской историко-этнографической экспедиции 1894—1896 гг. «Д. И. Меликов принял на себя работу по криминальной психологии якутов на основании данных, находящихся в делах местных и административных учреждений».³ Помимо того что Д. И. Меликов являлся председателем Якутского окружного суда, служил прокурором Якутской области, он был также председателем местного кружка любителей русской поэзии.

В период установления в Якутии советской власти Д. И. Меликов поочередно то работал в госучреждениях, то сидел в тюрьмах. В 1920 г. «его как пособника царизма и ярого реакционера» увольняют со службы в судебных органах. В 1921—1923 гг. он работает в губархиве — сначала сотрудником, затем заместителем завгубархивом Е. Д. Стрелова. В 1924 г. Меликов состоит на службе в различных советских учреждениях. С осени 1928 г. в Якутске начинается большая чистка госучреждений от социально-чуждых элементов, и он попадает под эту чистку. После этого времени сведения о Д. И. Меликове в архивных материалах почти не встречаются. Известно только, что в 1932 г. он числился рабочим Сангарских⁴ угольных копей и по специальному пропуску

² Попов П. В. Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г. / Сост. И. И. Юрганова и др. Якутск, 2009. С. 104.

³ Якутия : Историко-культурный атлас: Природа. История. Этнография. Современность. М., 2007. С. 353.

⁴ Сангары — поселок, центр Сангарского района, находится на реке Лене чуть выше устья Вилюя.

временами приезжал в Якутск. Дата смерти и место захоронения не установлены.⁵

Материалы Д. И. Меликова, относящиеся к его путешествию 1893 г., были переданы в Архив Сибирского отделения РАН неизвестным лицом в 1972 г. В настоящее время это ф. 4, оп. 18, ед. хр. 1—4 (*Меликов Д. И.* Путевые записки «В Гижигу через Колымск». 1893). В сопроводительном письме (август 1972 г.) директор Института языка, литературы и истории СО РАН Е. И. Коркина пишет: «Институт ЯЛИ ходатайствует <...> о необходимости внесения путевых заметок жителя г. Якутска Д. И. Меликова об экспедиции, проведенной в 1893 году по маршруту г. Якутск—Колымский округ—Гижига⁶—Якутск объемом 329 рукописных листов большого формата. Путевые заметки содержат много интересных сведений по климату, природе Колымского округа, быту, обычаям северных народностей и могут быть использованы в качестве вспомогательного материала при научных изысканиях сотрудников Института (историков, этнографов)». Далее Е. И. Коркина пишет, что «записки Меликова оценены комиссией в сто рублей. Лицо, продавшее эти путевые записки, просит стоимость их перечислить на счет Советского фонда мира в Якутской конторе Госбанка».⁷

Рукописи Д. И. Меликова составляют несколько книг, из которых научный интерес для фольклористов представляют две книги «Путевых записок» 1893 г. объемом в 229 страниц. При этом следует указать, что Д. И. Меликов писал на двух страницах тетрадей большого формата, нумерация стоит лишь на правой странице, таким образом, два листа относятся к одной странице.

Сам Д. И. Меликов видел цель путешествия в исследовании «Верхоянского и Колымского полиц<ейского> Управления, изучение быта, качества и поведения служащих, <нрзб> к улучшению их положения, выяснения всесторонне условий водворения государственных и других ссыльных.

2 цель — самая интересная и желательная — открытие нового пути из одного какого-либо прибрежного пункта Охотского моря к реке Колыме.

3 цель — изучение податей системы (инородцев) северных округов, способ взимания податей. Количество и определение инородцов, подлежащих сбору (так! — *О. Ч.*) и проживающих в округах».⁸

⁵ Яковлев Э. М. Действительный статский советник Д. И. Меликов.

⁶ Гижига — село в Северо-Эвенском районе Магаданской области России на берегу Охотского моря, к которому должен был продвигаться Д. И. Меликов.

⁷ Архив СО РАН, ф. 4, оп. 18, ед. хр. 1, л. — вкладыш.

⁸ Там же, л. 1.

Очень обстоятельны и крайне интересны путевые записи этнографического характера. Так, продвигаясь по Нижнеколымскому краю, он писал: «Следующая остановка от Крестов была в тридцати верстах от Нижнеколымска на заимке казака Богданова. Дом русский, ведется по-русски. Сам хозяин собой старый, с густой бородой, вышел к нам навстречу, на свою заимку. Подан был чай и закуска, обычная в Колымском крае: строганина, мерзлые, жирные ломтики чиров, олений сырой жирный мозг (из ножных костей оленя) и вареная, тоже мерзлая, пенка. Последняя была очень нежная и вкусная, была приготовлена из оленьего молока. Изба опрятная, чистая, с чистыми вымытыми дресвой полами, на столе скатерть, тарелки, ножи и вилки. Хлеб черный, по-хорошему выпеченный и вкусный. Хозяин заимки к числу богатых не относился. Порядок и чистота — таков обычай. Прекрасно».⁹

Далее следуют его замечания по этнографии и языку нижнеколымчан: «Все говорят по-русски, ни слова по-якутски. Все одеты в русские одежды, кроме верхней шубы — кухлянок мужиков. Говор какой-то особенный, ласковый, голоса мелодичные и сердечные, все шепелявят и сюсюкают, не выговаривая букву л. Говорят, напр.: „съядка ея“ (сладко ела), „шья мией“ (шла милей). Нижнеколымчан ввиду этого называют „сладкоголосые“».¹⁰

В сборе фольклора русского населения Нижней Индигирки Д. И. Меликову, как можно понять, помогал среднеколымчанин Семен Герасимович Власов, который собрал для него несколько песен (ряд произведений для него исполнил Соковиков). В записях представлены былины про Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье», № 12) и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтъевич», № 8), исторические песни про Михаила Скопина («Скопину-то родна матушка выговаривала», № 2), про сына Степана Разина («Заявился в камен город детинушка», № 9), про Захара Чернышева и прусского короля («Ах, талан, ты мой таланчик», № 11), балладная песня про Ваньку-ключника («Про ключника», № 10), лирические песни «Прощай, радость, жизнь, веселье» (№ 5), «Солнце красное катится за леса» (№ 7), «На заре было, братцы, на зореньке» (№ 3), «Течет речка, течет быстра» (№ 4), «Сказали про молодца» (№ 6), а также три андыльщины (№ 1, 13, 14).

⁹ Там же, л. 203.

¹⁰ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песни, собранные Д. И. Меликовым

Мои мечты попасть на Устье Колымы остались мечтами. Свободных подвод ехать туда не находилось. Прямо в поездке не отказывали, но старались представить дорогу, преисполненную всяких трудностей. Ехать приходилось 280 верст без дороги, <нрзб> по пути пить — <нрзб>, предстояли вьюги осенние (было начало ноября), значит, зимние вьюги, а не осенние, не было достаточно запасов собачьего корма, не было близко чуоч, чтобы проехать на оленях; океан, по их словам, не представляет ничего интересного, кроме ледяной пустыни; <нрзб> на берегах р. Колымы были настолько обмерзлыми от испарений и туманов, что подвигаться по ним не было никакой возможности. Что же делать? Подумал-подумал и отказался от поездки. Правда, и домой хотелось — крошка девочка тянула. За несостоявшейся поездкой мне оставалось сейчас же возвращаться в Среднеколымск, но не тут-то было. Желанию нашему <нрзб> обрадовались как празднику, и пришлось визитировать каждый день с утра до вечера, не желая кого-либо обидеть. При разговоре с обывателями, какие у них бывают развлечения в долгие темные зимы, они объяснили, что никаких развлечений нет, только ходят друг к другу в гости, собираются и поют. Действительно, в Среднеколымске и Нижнеколымске нет чиновника, который бы не имел хорошего голоса и не пел. В Нижнеколымске поют еще больше. Среди жителей много певцов импровизирует. Певцы-импровизаторы, куда бы ни поехали, идут и поют, связывают различные истории и мысли, без всякой связи, стараются, чтобы только подходило под какой-нибудь размер и под <нрзб>. Также почему нижнеколымцев окрестили особой кличкой «Андыльщина». Про импровизатора говорят: «Это он собирает» <нрзб> или петь «Андыльщину». В этой <нрзб> часто нет никакого смысла. Но все они несомненно сентиментальны, так, например:

№ 1

Дуся, дуся, дусичек,
Дуся айный душой (аленький).¹

Почему импровизация названа Андыльщиной, доискаться не мог (л. 204).

¹ Аленький (помета Д. И. Меликова).

Нельзя не отметить, что нижеколымцы именно русский язык сохранили в самих танцах и былинах, которыми они (по словам других) не разговаривают, а поют предания старины, жития <нрзб> и Европейской России, хотя факты являются уже перепутанными, житий и рассказов былин я не слышал. Слышал только несколько песен, которые и записал (л. 204).

№ 2

Скопину-то родна матушка говаривала.
Виноградье красно-зеленое!
«Ты не иди-ко Скопинушка во матушку Москву,
Виноградье красно-зеленое!²
Не крести ты сына Скуратова,
Не кумись ты со дочерью Малютовой».
Не послушался Скопинушка родну матушку,
Вот поехал-то Скопинушка во матушку-Москву.
Сокрестил он сына Скуратова,
Покушал со дочерью Малютовой.
«Я чего, Скопин, сижу, к кумы ей гости нейду?»
Надевал он на ноженьки зелен кафтан,
Выходил он на крылечушко дубовое,
Сам садился на добра коня.
«Я чего, кума, сижу, кума не подчиваю?»
Подходила она к шкапу дубовому,
Вынимала она чару глубокую,
Мерой чара была ей полтора ведра,
Наливала чару зелена вина.
По краям чары ключи кипят,
Посеред чары змеи шипят.
Принимал он, Скопинушка, единой рукой,
Выпивал он, Скопинушка, единым духом.
Его резвые ноженьки подкосились,
Его буйная головка закатилась.
Принимала его матушка родимые руки:
«Я чего тебе, Скопинушка, говаривала,
Не послушался Скопинушка родну матушку».
Виноградье красно-зеленое.

(л. 204—205)

² Этот припев повторяется после каждой строчки (*помета Д. И. Меликова*).

№ 3

На заре было, братцы, на зореньке,
На всходимом красном солнышки,
Высокошенько солнышко восходило,
Широкошенько речька разливалась,
А бережками речка споравнялася.
Что по этой-то речьки плывет лодочка.
Хороша была лодка прикрашена.
Нос-корма лодки были позолочены.
Алым бархатом были обколочены.
Все веселочки были приукрашены.
На носу-то сидит есаул с копьём,
На корме-то сидит атаман с ружьем.
Посреди лодки лежит золота казна,
На козне-то сидит красна девица,
Есаулу была родна сёстрица,
Атаману была сплюбовница.³

(л. 205)

№ 4

Течёт речка, течёт быстра,
С бережка сносит.
Молодой казак, молодой казак
Полковничка просит:
«Пусти меня, полковничек,
От полка до дому.
Может, скучнилась,
Может, струстнулась
Милая за мною». —
«Рад бы тебя пустить,
Да не скоро будешь.
Ты напейся воды холодной,
Милую забудешь». —
«Пил я воду, пил студену,
Да не напивался.
Любит казак девчоночку.
Он по ней спивался».
Помер казак, помер младой,
Помер от ей надежды.
Оставался конь вороной,
Золотая сбруя.
«Сбрую мою золотую
Вы отдайте брату,

³ Певчий дальше не знает (*помета Д. И. Меликова*).

Коня моего варанова
Ведите за мною».
Тело несут, коня ведут.
Конь головку клонит,
Молодая сибирячка
Белы руки ломит.

(л. 205)

№ 5

Запишу некоторые песни, которые, может быть, слабо напоминают давно прошедших покорителей Сибири, казаков, которые распространяются больше насчет любви, но я их запишу, потому что мне раньше не приходилось слышать...

Прощай, радость, жизнь, веселье,
Прощай радость, жизнь моя.
Слышу, идешь от меня.
Как должно с тобой расстаться,
Тебя мне больше не видать.
Буду помнить твои взоры,
Твой веселый разговор.
Темная ноченька не спится,
Сама я знаю, почему.
Самая девица сказала:
«Не гонись, мальчишечка, за мной.
Если будешь за мной гнаться,
Потеряешь свой покой.
Вспомни день прекрасный, майский,
Мы купаться с тобой шли.
На белый песок с Димой,
Мылись чистою водой.
Вы подуйте ветры буйны
С восточной стороны.
Ты пролейся сильный дождик,
Расступись, сыра земля,
Грובה доска, раскройся.
Встань ты, маменька моя.
Ты промолви речь со мною,
Со мной, круглой сиротой,
Со оставшейся одной».

(л. 205)

№ 6

Начало слышал ранее в России Европейской:

Сказали про молодца,
Что он не жив, не здоров.
Пришел, пришел молодец
Во втором часу ночи.
«Что ж ты, мой миленький,
Призамешкался в дому?» —
«С угрюмой жenuшкой
Перебраночка была». —
«Не бей, не бей, молодец,
Угрюму жену.
С угрюмой жenuшкой
Будешь век ты коротать.
Со мной, красной девицей,
Одну ночку ночевать».

(л. 206)

№ 7

Солнце красное катится за леса,
Светел месяц, останься в небесах.
Все оденьтеся ночьюю темнотой,
Дайте времечко скрыться от людей
И наплакаться над участью своей.
Где мой ангел, где сердцу дорогой,
Не навек ли, друг, разошлись с тобой?
Дай, отрада, мне скорее умереть.
Напиши письмо — навек забыть меня.
Днем не видят ничего мои глаза.

(л. 206)

№ 8

В Среднеколымске я познакомился с одним ссыльным, Семеном Герасимовичем Власовым. Это был редкостный [человек], центнер черноземной силы, необъятный размах, рост, буйной могучей силы. Он был душой младенец, чистый, ласковый, преданный и добрый. Любил детей он до самозабвения, боготворил своего отца, пользовал его взаимностью, был преданным, огромным товарищем и, безусловно, до простоты добрым человеком. Будучи в Нижнеколымске, Семен Герасимович слышал от одного старика былинку, записал начисто и дал мне. Я запишу написанное Власовым в настоящую запись (л. 206).

Тит Харафонтьевич

Подступила под град сила великая,
Сорок царей, сорок царевичей,
Еще сорок королей, сорок королевичей,
И что под каждым царем, под каждым царевичем,
Да и под каждым королем, каждым королевичем
Войско по три тьмы и по три тысячи,
А что под самим-то Титом Харафонтьевичем
Силы той и счету нет.
Как и хвалится Тит, похваляется,
Как над славным царством поглумляется:
«А я вашего князя солнышко Владимира на разстрел пушу,
А его молодую княгиню за себя возьму,
Как и всех дев и баб я под блуд склоню,
А я Божии церкви под конюшню обращу,
А и царское именье головней сожгу.
Выходи же, кто удал, в поединочек со мной!»
Тут и пали, перепали переносчички,
Как и те переносчички и докладнички,
Донесли они князю-солнышку Владимиру,
Что Тит просит себе поединщичка:
«А не дашь ты ему, князь, поединщичка,
Он грозит твое царство все разором разорить,
А твою, князь, дружину всю дотла перебить,
Да и всех от мала до велика еще по миру пустить!»
Как у нашего солнышка Владимира
Было столованье почестен стол.
Было пиrowанье почестен пир.
Собрались там богатыри могучие,
Как и вставал наш солнышко, Владимир-князь,
На свои на ноженьки на резвые,
Как он на те на сапожки, на зелен сафьян,
И на те на каблучки на верейчатые,
Как на те на гвоздочки на серебряные,
И просил он свои помощницы удалые:
«Ах вы, думные министры, богатыри,
Уж не дайте вы врагу над нами надругаться,
Заступитесь за веру православную,
За мать, пресвятую Богородицу!»⁴
Тут и старший тут хоронится за среднего,
А средний хоронится за младшего,
А от младшего, братцы, совсем совету нет.
И сидит тут между ними Данила Игнатьевич,
Сидит на скамье дубовенькой.
Поднимался он тут на свои на ноженьки,
И подгибался под ним тот кирпичный пол,

⁴ Напоминает бунт атамана Некрасова (*помета Д. И. Меликова*).

И говорил Данилушка Игнатъевич таковы слова
 князю Владимиру:
 «Эх, кабы я, Данила, в монахи не постригся допреж,
 Как мне Даниле в келье не молиться,
 Заступился бы я за веру христианскую,
 За мать Пресвятую Богородицу.
 Есть у меня сыночек Мишенька.
 Отправил бы я его с Божьей помощью.
 А от роду Мишеньке лишь 15 лет.
 Не может еще Миша на коне сидеть,
 Не может еще Миша саблей владеть,
 Не под силу еще Мише биться с недругами».
 Таковы слова Данила молвил, сам и вон пошел.
 Но послал царь послов до Мишеньки Даниловича,
 Подходили послы к Мише к окошечку
 И будили его ото сна богатырского громким голосом:
 «Ты иди, Миша Данилович, тебя царь зовет,
 Мы не знаем, на что зовет, про то не ведаем».
 Вставал тут Миша с кровати тесовой,
 Надевал он сапожки зелен сафьян,
 Надевал он шубочку черных соболей,
 Он шапочку надевал земли греческой,
 Отправился он ко князю солнышку Владимиру,
 Отворял он туту в гримни двери на пяту,
 Закрывает он дубовое крепко-накрепко.
 Он крест кладет по-ученому,
 И поклон да и по-писаному,
 А и князю, а княгине на особицу.
 Тут встречает Мишу князь с честью, с радостью,
 Принимал он Мишеньку Данильевича за велика гостя,
 Проводит он Мишу вечерять за стол,
 Угощает Мишеньку Даниловича зеленым вином.
 Ему трижды подносили по полной чаре вина,
 А и в той чаре вина была а треть ведра,
 А и в третьем рогу подавали ему меду на закусочку.
 Тут-то вставал Владимир-князь из-за дубова стола
 И как Мишеньке говорил он таковы слова:
 «Ах ты гой еси, Мишенька Данилович,
 Ты не знаешь, Мишенька, невзгодушку немалую,
 Подступили под наш град сила басурманская,
 Как от той силы нет никому ни ходу, ни проходу,
 Поезжай же ты, Мишенька, во чисто поле,
 Во чисто поле, в широкое раздолье,
 Как и в ту силу, силу неправую,⁵
 Ты расчисти тут, Мишенька, дороженьку широкия.

⁵ Иноверческую (помета Д. И. Меликова).

Пропусти ты наши запасы княжеские,
Заступи же ты, Миша, за веру православную,
За мать Пресвятую Богородицу!»
Тут Миша вставал из-за дубова стола,
И сам он говорил таковы слова:
«Ну и пусть не берут, князь, по-твоему,
Я согласен пристать за веру православную,
Заступлюсь я за мать Пресвятую Богородицу,
И пойду я в бой с тем недругом».
Выходил тут Миша из хором княжецких,
Разыскал он родителя своего Данилу Игнатьевича,
Разыскал он его, ему кланяется,
Как просит он у него благословение.
«Ах ты, птенчик мой, милый, родненький,
Ведь еще же ты, Мишенька, маленький,
Кудысь тебе с басурманами биться-воевать?
Ну да раз ты слово дал, так его уже не менять.
Иди же ты, мой родной, во конюшенку,
Забирай себе лошадку помирнее всех,
Которая тянет лишь двадцать пудов».
Как поехал тут Мишенька во чисто поле,
Как и биться-рубиться с басурманами.
Как и бился он тут день до вечера,
И рубился он тут всю ноченьку,
И опять воевал он с утра до вечера,
С добра коня не слезаючи,
Не пиваючи, не едаючи.
Приходили тут Мишеньке удары несносные,
Наносили удары смертоносные.
Как и припадал Мишенька к шее лошади,
Да и свешивал он с нее буйную головушку.
Как и лошадь тут сама поворачивалась,
Уносила его лошадь из стана вражеского,
Подносила его лошадь к крыльцу княжескому.
Тут прибежал сюда сам Данила Игнатьевич,
А его Мишенька уже Богу душу отдал.
Как и с горя Данила к князю бросается,
И кричит он князю зычным голосом:
«Было у меня, князь, едино детище,
Был от старого дуба единый отросточек.
Да тот-то князь отрубил-загубил!
Ах, к чему тебе было, князь, молодого запаивать,
Ах, к чему тебе его заговаривать?
Как померкло мое солнце красное,
Закатилась моя звезда прекрасная!»
Еще так и эдак Данила Игнатьевич зывал,
Под собою мраморный пол, как глину, топтал,
Да и вдруг Данила поворот отсель давал.
Как и солнышко Владимир во догон ему кричал:

«Ах, и что ж мне, Данила, твои печали утолить?
Как устрою я Мишеньке похороны царевы,
На помин души Мишеньки я велю во всех церквах звонить,
На помин души Мишеньки велю во всех церквах служить».
Тут выбежал Данилушка Игнатьевич из княжеских хором,
Тут поспешил Данила во свою конюшенку,
Выбирал он сабельку позвонче всех,
Выбирал Данилушка лошадку побыстрее всех,
И селся тут Данила на добра коня,
Выезжал он на нем в силу, в неверчину.
Просьпалась в Даниле удаля богатырская,
Куда саблей он бил, там и улица,
Повернется — а переулочками.
Всю он прибил, притоптал силу вражескую.
Как имал же тут Данила и Тита за космы,
Притягивал он его за хвост к коню,
Поворачивал коня он круто-накруто,
Он пускал коня по лесам и долам,
Он порастилал он коня по великим по горам,
Он разлетывал по всей земле кости Титовы.
Как потом же приезжал он к своей кельюшке,
Запирался он тут на моленьице,
На моленьице большое-долгим долгое,
Он и людям уже больше не показывался,
Богу он тут так представился.

(л. 206—208)

№ 9

С. Г. (т. е. Сергей Герасимович Власов. — *О. Ч.*) был в Нижне-колымске у какого-то Петровича. Там на кровати лежал старик, ничего не говорил и только кряхтел. За ужином С. Г. стал угощать хозяев водкой. Петрович мигнул ему, чтобы он подал и старику. «Старику поднесите», — сказал Петрович. Старик, почуяв водку, завозился за занавеской кровати, как бы желая напомнить о себе, закашлялся. Старику было поднесено около полчашки и, о чудо, старик ожил, сполз с постели и приплелся к столу. После второй порции со старика хворь как рукой сняло. Зная цель посещения С. Г., старик сам вызвался пропеть старинную песенку. «Правда, уже не певуч я теперь, — сказал старик, — и в молодых летах и я был не на последнем счету, и меня заслушивались другие, а теперь прошамкаю Вам песню, чтобы Вы только записать ее могли». И выпив опять, к удивлению С. Г., старик твердым, а еще довольно приятным голосом запел:

Заявился в камен город детинушка,
Незнакомый гость.

Он черну шляпу носил с позуменами,
Рыжа бархата кафтанчик на одном плече,
Шелкову опоясочку во правой руке.
Астраханскому губернатору он не кланяется,
С астраханскими купцами он не знается.
Довелось раз детинушке завернуть в царев кабак:
«Ну-ка здравствуй, целовальник-князь доверенный,
Наливай-ка мне чару на пятьсот рублей,
Наливай-ка мне вторую на всю тысячу!»
Но при нем был товарищ Газминушка.
«А ты не гуляй, Газмин, на мой широк карман».
Тут астраханский губернатор с проговором:
«А подите приведите ко мне горьку пьяницу,
Незнакомого детинушку».
И пошли и привели да горьку пьяницу,
Буйна молодца детинушку.
Да как стал-то губернатор тут выспрашивать,
Из его речей секретарь молодца выпытывает:
«Ты скажи-ка мне, детина, как тебя величать,
Ты Дон, или Данила, или донской казак?»
На печи лежав, Гализма речь проговорил:
«И не Дон он, не Данила, ни донской казак,
На всей матушке России воловой солдат».
Проводили тут детинушку вперед за стол,
Проводили, стали потчевать.
Он им кланяется, поговаривает:
«На приходе-то вы гостя не потчивали,
На отход-то уж нечего!»
Пошатнулся, развернулся добрый молодец.
Тут их каменки крепки палат посыпались
Ну, кирпиччаты полы их погибались.

(л. 209—210)⁶

№ 10

Отдохнувши, подкрепившись водкой, старик сказал: «Ну те-перь я вам про млада ключника спою», и запел:

Как живет младой ключничек у князя
Да со ключницей.

⁶ Интересно, что в других известных и опубликованных текстах этой песни на Колыме пели не «Гализма», а «голытьба» (Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. № 215). Ю. И. Смирнов по поводу варианта № 215 пишет: «...записал В. Г. Тан-Богораз около 1895 г. от Ф. Даурова в Среднеколымске. Стихи, помещенные собирателем в квадратные скобки, принадлежат М. Соковикову, от которого собиратель не сделал полнокровную запись» (Там же. С. 443).

Они тут живут сообща
Ровно 30 лет.
Да как размлада ключница на ключника
В доказ пошла.
«Ой ты, гой еси, батюшка,
Волхонский князь,
Ты не знаешь над собой
Злу невзгодушку,
Злу невзгодушку не знаешь
Да не малую.
Твой вот ключник живет со княгинею!..»
Воспалился тут князь
Гневом великим:
«Ах вы, слуги мои, слуги верные,
Вы подите приводите млада ключника,
Млада ключника на допрос ко мне».
Младой ключничек у ключницы выспрашивает,
Младой ключничек у ключницы выведывает:
«Ну на что меня князь зовет-кликает?»
А и ключница ему ответ дает:
«А зачем зовет, я не ведаю».
Тут выговаривал ко ключнику Волхонский князь:
«Отвечай ты мне, ключник, ты ответ держи:
Сколькой год ты живешь со княгинею?»
И ответ такой держал молодец:
«Я у вас-то живу ровно тридцать лет,
Со княгинею живу ровно три года,
На четвертый-то годочек-от провыдался».
Тут спроговорил, братцы, Волхонский князь:
«Эй! Палачи вы, палачи немилостивые,
Вы под рученьки хватите млада ключника.
Уж тебя я, ключника, да пожалую
Да своей великой княжей милостью:
Я срублю тебе палату семиугольную,
Перекладинку положу я сосновенькую,
Я повешу тебе петельку шелковенькую».
И как брали палачи его, ключника,
И водили его дорогами окольными.
И идет, братцы, молодец, не трохнется,
Ретиво его сердечушко не вздрогнется.
Русы кудри его не ворохнутся,
И тут ключничек такову речь держит:
«Ах, палачи вы, палачи,
Не ведите, палачи немилостивые,
Дорогами окольными,
А ведите меня прохожими,
Мимо тех больших окон княгинюшки
Распрощаться с княгинею вы дайте мне!»
А запел он под окнами свою песенку:

«Эх, в любви было много времени уважено,
У лебедушки белы груди были ласкованы,
Ея сахарны уста были целованы,
А теперь-то любви нашей уж конец пришел.
Повели-то меня, ключника, да во петельку».
Что на зорьке, на заре, зоре утренней
Молодой ключник во петельке качается,
Молода княгиня в новых сенях да кончается,
На три ножичка булатных да бросается,
А и ключница по ключнику убивается.
(л. 210—211)

№ 11

В тот же вечер Семен Герасимович записал следующую песню:

Ах, талан, ты мой таланчик,
Ах, ты участь моя горькая!
На роду ты мне написана,
На яву мне доставалася.
Доставался мне Кестрим-город.
Во Кестримере — славном городе
На большой проезжей улице
Тут стояла нова светелка,
Хрущатым песком расчистая.
Засажен был тут российский граф
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по светлице злой похаживает,
Пенкову трубку-то он покуривает,
Сам в окошечко на улицу посматривает.
Случилось прусскому королю тут ехати
Мимо этого окошечка решетчатого.
Тут с приговоркою к нему да российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Ах, гой еси, прусский король,
Прикажи меня жить-кормить,
Прикажи на волю выпустить.
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скорей казнить». —
«Прикажу тебя кормить-поить,
Прикажу на волю выпустить,
Послужи за то мне верой-правдою,
Верой-правдой неизменною,
Как служил ты царю белому».
Тут воскликнул российский граф:
«Ах, ты воля моя, волюшка!

Прилучился бы мне добрый конь,
Солучилась бы мне сабля острая,
Послужил бы я тебе, прусский король,
Над тобой, над шеей над немецкою,
Над твоей башкой басурманскою».

(л. 211)

№ 12

Былина про богатыря Добрыню Никитича в Нижнеколымске рассказывается в следующем виде:

Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Ну, житье-бытье осталось и имение.
Имение осталось, мало детище
По имени Добрынюшко Никитьевич.
Как стал Добрынюшко на возрасте,
Тут не белая береза к земле кланяется,
Не шелковая трава в поле устилается,
Кланяется родной сын перед матерью:
«Дай мне, матушка, благословение,
Ну, пойду я стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых уток.
Хоть дашь, пойду, и не дашь — пойду».
Дает ему матушка благословение:
«Ну, пойдешь, сын, стрелять гусей-лебедей,
Захватят тебя жары крестовские,
Еще те же солнцепеки меженные.
Ну, захочется тебе помыться, покупаться,
Только плавай ты, Добрынюшка, на первую струю,
Только плавай ты, Добрынюшка, на вторую струю,
Не плавай, Добрынюшка, на третью струю:
Третья струя быстрым-быстра,
Понесет тебя по камушка Ятырю⁷
Ко тому Змеинышу ли ко Горынышу».
Плавал Добрыня на первую струю,
Плавал Добрыня на вторую струю, круту бережку.
Не доплыл Добрынюшка, на третью струю,
Поворачивал Добрыня к круту бережку.
Тут переговорили слуги его, слуги верные:
«Ах, не честь тебе, удадь молодецкая,
Да и не выслуга твоя богатырская,
Ты не доплыл, Добрыня, на третью струю».
Тут кидался Добрыня во быстру реку,
Выплывал-то Добрыня на третью струю,

⁷ Вероятно, «Алатырь» (помета Д. И. Меликова).

Понесло его ко камушку ко Ятырю,
Ко тому ко Змеиныщу-Горыныщу.
(л. 211)

№ 13

Известный в Нижнеколымске сочинитель «андыльщин» Михаил Федорович Соковиков сообщил песню местного производства:

Ай ты, чукотский народ!⁸
Не клади нам палец в рот.
Они стрелами стреляли,
Мы им в ружья отвечали.
Островные «алеуты»
На природе очень круты.
Они хотят обличить
Нас живых не отпустить.

(л. 204)

Песня, по объяснению Соковикова, составлена еще Павлуцким, который приходил в Нижнеколымск пятисотенным отрядом, его помощник Кривогорницын, а чукчей было тогда в одну тысячу, повествует Соковиков, видимо-невидимо. «Павлуцкому с ними никак не совладать было, вот он и послал со своим помощником Кривогорницыным то войско. Тот ушел и замедлил. Ждали, ждали, все его нет. Павлуцкий видит: все едино, уже ему один конец; чукчи уже больше напирать на них стали. Нам уже кады лучше смерть поскорее принять; а между тем майор весь в кольчугах, с ног до головы закован; чукчи не <нрзб> никак повредить не могут. Тогда он сам взял и выставил им на вид открытое горло; дескать, этим местом меня зальет и возьмет. Те стрелили стрелой, ну и убили его, а затем весь отряд его истребили; а затем уже спастись никак было. Вы сами видите, какой <дикий — нрзб> край — тундра да болото. Меж тем русские их здесь над ними хозяйничали. Песня она <нрзб> долгая, да я уже конца не упомяну», — заключил Соковиков.

Конечно, надо сомневаться в действительности сообщения Соковикова. Если бы была сообщена вся песня, то, может быть, она пела бы <нрзб> смерти Павлуцкого, но в заметках С. Г. отмечено, что он расспрашивал у многих, не знают ли они кто-нибудь еще этой песни, но никого знающего не оказалось.

⁸ Чукчи собираются на островную ярмарку (*помета Д. И. Меликова*).

По сообщению Соковикова С. Г., записана и вторая песня, чисто местного произведения, составляющая местный юмор и сатиру на Карпа, обывателя Нижнеколымска по фамилии Габушев (Габышев):

Весной стало лёд ломать,
Карпа невод собирать...
Заметал тоню в курен,
Добыл омуля в метын.
Страшно скудная весна
.....
Карпа омуля печен
.....
Он печет, чтоб закусить,
Заленился неводить,
Невод киснет в карбасу,
Он лежит на лабазу.⁹
Лабаз от полу вершок
Карпа просит корешок,¹⁰
Карпа трубку закурил,
Неводку совсем забыл...

⁹ На амбаре (помета Д. И. Меликова).

¹⁰ Морс<кой?> сбо<нрзб> (помета Д. И. Меликова).